

УДК 821.161.1.09-1+929 Карамзин

«ПОСЛАНИЕ К ЖЕНЩИНАМ» КАК МАНИФЕСТ ФЕМИНОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. М. КАРАМЗИНА

Д. Г. Николайчук

Саратовский государственный университет
E-mail: brilliantheart@list.ru

В статье анализируется программное стихотворение Н. М. Карамзина «Послание к женщинам», раскрывающее взгляды писателя на разные стороны «женского вопроса» и представляющее типологию женских образов, традиционных для русской поэзии XVIII в.

Ключевые слова: женские образы, женщина XVIII века, поэзия XVIII века, Н. М. Карамзин, «Послание к женщинам».

«A Message to Women» as a Manifesto of N. M. Karamzin's Views on Women's Studies

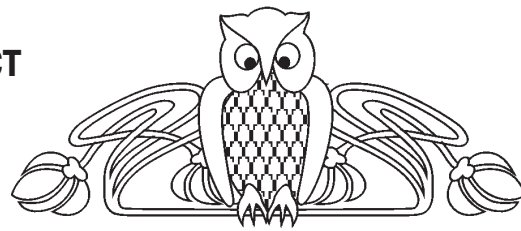
D. G. Nikolaichuk

In the article a program poem by N. M. Karamzin, «A Message to Women» is analyzed. This poem reveals the views of the writer on different perspectives of the 'woman question' and represents a typology of female images traditional for the Russian poetry of the XVIII century.

Key words: female images, a woman of the XVIII century, poetry of the XVIII century, N. M. Karamzin, «A Message to Women».

Специфика XVIII столетия, по мнению исследователей, характеризуется ««сплавом традиций» родительского воспитания и их трансформацией под влиянием новых смыслов бытия, в первую очередь идей государственности и просветительства»¹. Важнейшей задачей становится воспитание благородного образованного человека, опирающееся на «христианско-просветительскую концепцию»². В условиях изменения ценностно-смысловой системы культуры возникает пристальное внимание к женщине: воспитание женщины, определение её роли в общественной жизни составляют важнейшие вопросы эпохи. По замечанию О. Н. Мухина, значимое положение женщины в русской культуре было «освящено как языческой (архаический образ «матери-сырой земли» как центра культа плодородия), так и православной традицией (известно, что в России культ Богородицы, как заступницы людей перед Богом, был развит значительно сильнее, чем на Западе)»³. Но чтобы соответствовать новым общественным представлениям, женщине XVIII в. было необходимо стать читательницей.

Н. М. Карамзин хорошо чувствовал задачи времени, их решению во многом была подчинена его деятельность издателя. В конце 1790-х гг. он выпускает один из первых русских литературных альманахов – «Аонида» (три книжки – 1796,

1797 и 1798–1799). Желая приблизить русскую литературную жизнь к формам западноевропейской («почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых, мелких стихотворений, под именем Календаря Муз»⁴), а также познакомить русского читателя с современной отечественной поэзией, Карамзин включает в альманах произведения многих авторов (кроме самого издателя – Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, В. Л. Пушкина, Н. А. Львова, Г. А. Хованского, Д. П. Горчакова, В. В. Измайлова, П. А. Пельского и др.), почти всех поэтических жанров (ода, басня, мадригал, послание, письмо, идиллия, элегия, «ответ на вопрос», стихи на случай, портрет, надпись к портрету, эпиграмма, эпитафия, песня, романс, рондо, хор, куплеты). Однако цель карамзинских изданий выходит за рамки чисто литературной – он стремится сформировать новую, сентиментальную культуру, в которой женщине отводится важная роль.

Обращение к женщине диктуется не только законами того или иного жанра. Это становится знаком особого литературного этикета. Женщина выступает как главная героиня произведения, мысли о ней тревожат лирического субъекта, она же является адресатом поэтических творений. Альманах во многом напоминает «галантные» сборники конца XVIII – начала XIX в., впервые получившие распространение во французской светской культуре в ситуации становления «общественного» человека. Такие сборники включали в себя прозаические произведения со стихотворными вставками: посланиями по тому или иному поводу, описаниями путешествий, также имеющих форму писем к определенному адресату, диалогами и спорами (Любви и Разума, Любви и Дружбы, Сердца и Ума). Их отличительными особенностями являлось разнообразие представленных поэтических форм (сонеты, мадригалы, оды, стансы, элегии, баллады, эклоги, басни и т. д.) и присутствие диалогического элемента – следствие ориентации на светскую беседу⁵. Состав сборника объясняется ориентацией на «чувство любви как наиболее благоприятное для формирования галантного кавалера»⁶. Но Н. М. Карамзин как издатель альманаха идет и по стопам своего учителя, Н. И. Новикова, выпускавшего первые русские журналы для женщин («Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета», 1779 г.). По мнению Л. В. Сокольской, «литературные альманахи в какой-то мере берут

на себя функции литературного женского журнала. Общая направленность журналов для женщин того времени – «чувствительная» литература, дом, семья, быт, рукоделие, мода»⁷.

Цель данной статьи – подробно рассмотреть стихотворение Н. М. Карамзина «Послание к женщинам» (1795), которое впервые было напечатано в 1-й книжке «Аонид» в 1796 г.⁸, а потом перепечатывалось с небольшими изменениями в прижизненных собраниях сочинений автора 1803 и 1814 гг.⁹ «Послание...» полностью раскрывает взгляды Карамзина на разные стороны «женского вопроса», концентрирует в себе большинство тем, затронутых в других произведениях альманаха.

Стихотворение объёмное, многотемное, имеет сложную структуру. В «Аонидах» оно графически разделено на 15 частей, в собраниях сочинений – на 17. Название произведения является одновременно и жанровым обозначением. В жанре послания¹⁰ обращение к сочувствующему адресату (другу, возлюбленной) определяет возможность свободного перехода от одной темы к другой. В «Послании к женщинам» подобная установка декларируется почти в самом начале: «Дам волю сердцу: пусть оно / С своими милыми друзьями / Что хочет говорит! / Не нужно думать мне: слова текут рекою / В беседе с тем, кого мы любим всей душою» (222). Свобода отражается в форме стихотворения: размере (разностопном ямбе), разным объёме частей, как будто бы свободной композиции и ассоциативной связи между частями. На самом деле композиция «Послания...» отличается стройностью, логичностью, каждая часть посвящена определённым аспектам женской темы, который диктует и жанрово-стилевое решение: в стихотворении можно вычленить фрагменты, близкие к мадригалу (похвалы красоте, добродетелям), идиллии (описание уединённой жизни на лоне природы), вкрапления одического жанра при обращении к государственной тематике, заканчивается «Послание...» автоэпитафией. Построим анализ стихотворения на последовательном рассмотрении частей.

Текст послания предваряется эпиграфом из «Epistle to a Lady» (1743) А. Поупа, в котором выделяются три вещи, которые Феб даровал женщинам: чувствительность, добрый нрав и – Поэта («sense, good humour and – a Poet», 218). Следовательно, в эпиграфе намечаются узловые темы стихотворения: во-первых, женские добродетели; во-вторых, образ поэта как певца женщин. В «Послании...» есть и более частные образные переклички со стихотворением Поупа. Но «Epistle to a Lady», входящее в «Опыты о человеке» («Moral Essays»), содержит элементы сатиры, в нём заостряется внимание на женских недостатках. Единственный положительный образ – адресат послания, под которым скрывается друг поэта Марта Блаунт. Именно посвящённые ей заключительные строки Карамзин берёт в качестве эпиграфа. Таким образом, текст «Послания

к женщинам» является не столько продолжением, сколько полемическим ответом Поупу: хорошие качества объявляются принадлежностью не одной, а всех женщин, адресат в связи с этим тоже становится коллективным, и начинается стихотворение обращением «О вы, которых мне любезна благосклонность, / Любезнее всего!» (218).

«Послание...» открывается поэтически преображённой «автобиографией» лирического субъекта: детство, молодость, первое чувство. Возникает и образ возлюбленной – сельской «красотки» Розы. По прошествии лет автор с иронией пишет о собственной жажде почестей, победы, славы – ради поцелуя милых красавиц. Потом он прекращает военную карьеру и становится писателем. Карамзин декларирует новый статус поэта: авторство объявляется достойным жизненным поприщем. Формулируется эстетическая программа издателя «Аонид»: «...слогом чистым, сердцу внятном, / Оттенки вам изображать / Страстей счастливых и несчастных», переводить «все темное в сердцах на ясный нам язык», находить «слова для тонких чувств». Женщина в этой ситуации рассматривается уже не только как объект обожания и преклонения, а как главный читатель и судья поэтических произведений. Намечается неразрывная связь любовной темы с темой поэта и поэзии: без любви невозможна и поэзия – «Любовь стихи животворит, / И старому дает вид новый» (222).

В первой же части намечается одна из главных философских идей «Послания...»: через любовь к женщине в человеке открывается любовь к себе (лучшему в себе), к природе, к окружающему миру. Поэт выделяет нравственные качества женщины – «вы родитесь свет моральный украшать» (222). В более поздних редакциях стихотворения Н. М. Карамзин заменяет слово «моральный» на «подлунный», усиливая «поэтичность» картины и убирая дидактизм. Но в «Аонидах» главная цель этого фрагмента – именно морально-воспитательная: без благотворного влияния женщин «моральный свет» превращается в «самой мрачной свет»¹¹ (Карамзин графически выделяет этот оксюморон). Значимым становится введение образа ненавистника женщин («несчастливого *Мизогина*»). Формируется антитеза: любитель женщин, над которым «Феб сияет» (свет, тепло) / ненавистник женщин, живущий в «Сибири» (мрак, холод). Заканчивается первая часть заявлением о высоком предназначении женщины, которое состоит в том, чтобы «показать <...> путь к блаженству, добру и совершенству» (223).

В частях со второй по четвёртую автор ведёт разговор о «трёх страстях», которые «правят светом»: это честь, золото, «а третью живем для ваших милых глаз» (223). Во второй части создаётся образ «ложного Героя» (в сноске автор оговаривает, что «представляет *честолюбие* только с дурной стороны» (224)). Его черты «занимствуются» у самых кровавадных исторических

персонажей, чьи имена стали знаками, – Суллы, Аттилы. В третьей части перед нами предстает образ жалкого скупца, который «таится, как сова», трепещет, как лист, – боится, чтобы его сокровища не украли. Если при изображении «Героя» Карамзин не жалеет «страшных» красок («льется кровь рекой», «град в огне пылает», раздаются «вопли» «сраженных»), то показать скупца он пытается с помощью иронии, доводя до предела абсурдность его страхов («чтобы Феб <...> золота в мешках лучем не растопил» (226)).

Четвёртая часть посвящена последней из страстей – любви. Любовь осмысливается автором как необыкновенное явление: любить способен только чувствительный, нравственный человек («Как нежен сердцем, добр делами! / Природа для него есть зрелище красот!» (227)). В прелестных глазах возлюбленной человек находит «рай»; места, где она гуляет, считает «священными», предпочитает их «Полям блаженным, Елисейским» (227) – благодаря такому словесно-образному ряду происходит сакрализация любви к женщине. Истинное счастье – находиться рядом с возлюбленной вдали от шумного света и «городской скуки», с «чувствительностью» и «покоем» в сердце. Поэт рисует идиллическую картину, составляющими которой являются красота природы с ее обитателями (горлицы выют гнездо, малиновки поют), гармоничное настроение лирического субъекта («от нежных чувств вздыхает», «от счастья слезы льет»), а также мотив замкнутости, отгороженности от цивилизации (сельский мирный кров). В. В. Биткина в статье «“Аониды” – альманах “содружества” поэтов» приходит к выводу, что «вся система жизненных идеалов, представленная в “Аонидах”, имеет либо “оборотную сторону”, либо “антиидеал” – то, от чего лирический герой декларативно отказывается (деревня противопоставлена городу, общество друзей, любимой – свету). Такая оппозиционность – примета рационалистического художественного мышления»¹².

Практически всё «Послание к женщине» строится на ряде антитез. Но в том фрагменте, где говорится об истинном и ложном счастье, Карамзин использует этот приём особенно плотно, обыгрывает противопоставления, графически выделяет одни и те же лексемы, либо синонимичные конструкции: «золото в мешках» / «пурпур, золото Авроры», «сокровища» / «богатства Флоры». В таком контексте значимым оказывается выбор эпитета «сребристые» по отношению к явлениям природы («под шумом вод сребристых» (228), «сребристый луч» луны (243)), а с другой стороны, несколько иронично звучит эпитет «милый» в образе скупца («Всегда живет в ужасном страхе, / Чтоб вдруг не вздумалось судьбе / Лишить его сокровищ милых» (226)), так как для поэта «милый» – это прежде всего друг, возлюбленная, красоты природы. Победитель, «лавром осеняя / Надменное чело», мечтает «укрыться в сень лесов»; тот, кто «ввек на ратном поле жил»,

по мнению автора «жизни был едва ли достоин!» (230). Антитезы также реализуются через рифму: «Путь славы не ведет к сердечному покою; / Мы зрим на нем довольно роз, / Но больше терний, больше слез» (225).

В конце четвёртой части, как подведение итогов, снова звучит мысль о плодотворном влиянии любви: когда человек влюблён, он с любовью смотрит на мир и рад поделиться этим чувством с остальными; декларируется важная способность любви облагораживать человека («Ах! Самый лютый воин <...> Смягчается душой, восчувствовав любовь» (230); «Нередко и скупец, чтоб милой угодить, <...> Бывает сирых друг и нищих благодетель» (230)). Вводится образ идеального «царя подсолнечной (вселенной)». По мнению Ю. М. Лотмана, «гражданская и интимная лирика стилистически Карамзиным не разделяются и изображают внутренний мир человека»¹³: «Велите мне избрать подсолнечной царя: / Кого я выберу, усердием горя / Ко счастью людей? Того, кто всех нежнее, / Того, кто всех страстнее / Умеет вас любить – и свет бы счастлив был!» (230). Таким образом, смысловой блок о «трёх страстях» – чести, золоте и любви – завершается триумфом последней.

В пятой и шестой частях разговор о страстях продолжается, но уже в ином ключе: сопоставляются «разум» и «страсти», «страсти» и «нежные чувства». В первом случае Карамзин использует традиционный образ корабля в бурном море: он говорит о необходимости страстей, сравнивая их с ветром, наполняющим паруса; страсти оживляют ум, который воплощается в образе кормила. Автор честен со своим читателем и не утаивает, что «иногда» «страсть любви» может привести не только к радостям, но и к горестям. В целом, в соответствии с сентименталистской концепцией, страсти предстают губительными, предпочтение отдаётся «нежным чувствам», которые соединяют, например, «любовников»-супругов. Карамзин с уважением относится к браку: «Но здесь цветами осыпаю / Тьму брачных алтарей, где милый Купидон / И скромный Гименей навек соединяют / Любовников сердца» (233). Замужество в жизни женщины XVIII в. было значимым этапом. Несмотря на появление образовательных учреждений для женщин (например Воспитательного общества благородных девиц в 1764 г.), «место женщины – у домашнего очага, под покровительством отца или мужа»¹⁴. В работе о восприятии современниками русской женщины XVII–XVIII вв. Е. С. Анпилова¹⁵ говорит о сакрально-охранительной роли женщины по отношению к своему супругу.

Финал шестой части (о браке) предвосхищает тему следующих трёх – материнство. В седьмой части возникает обобщённый идеальный образ матери. Материнство – главное предназначение женщины, то, что поручено ей «судьбой». Она не только заботится о своём ребёнке и воспитывает его, но является для него надёжной опорой: «Лишь

вашею рукой быть может <...> От хлада, бури сохранен» (234). Следующие две части можно с полным правом назвать автобиографическими: Карамзин говорит о своей матери, чей образ для него «священный, милый». Несмотря на раннюю смерть, благотворное влияние матери на сына продолжается: он чувствует доставшийся ему «в наследство» «тихий нрав», память о ней, её «дух» становятся его «совестью <...> в час слабостей» (236).

Части с десятой по четырнадцатую посвящены рассуждениям о качествах женщины, попыткам сопоставить женщин и мужчин. В изданном в 1764 г. «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества» определяющим качеством женщины называется добродетель¹⁶. В «Послании...» разнообразие женских добродетелей сравнивается с цветником: «Подобно как в саду, где роза с нежным крином, / Нарцис и анемон, аврикула с ясьмином, / И тысячи цветов / Пестреют на берегу кристалльных ручейков, / Не знаешь, что хвалить, над чем остановиться <...> Так я теряюсь в красотах / Прелестных ваших душ» (236–237). В литературе XVIII в. существовала традиция сравнения женщины с цветком. Каждый из них ассоциировался не только с типом внешней красоты, но и с комплексом внутренних качеств. Так, К. И. Шарафадина пишет, что С. Ф. Жанлис увлекалась «художественной» ботаникой и часто использовала флористическую символику в своих произведениях. Её романы были своеобразным пособием по «языку цветов» (мирабилис – символ робости и застенчивости, фиалка – скромности, сирень – первой любви, роза – супружеской пары¹⁷). Карамзин знал и даже перевел романы Жанлис, но «цветник» в той же функции, что в «Послании к женщинам», встречается и в стихотворении Поупа: для английского поэта женщины также разнообразны, как тюльпаны по цветовой гамме («Ladies, like variegated Tulips show»¹⁸).

Ключевой оппозицией, определяющей различие мужчин и женщин, становится у Карамзина разум / интуиция. Из «Послания к женщинам» становится очевидным, что логическое мышление, требующее эмпирических доказательств, изначально присуще мужчинам. Поиск истины часто сопряжён у них с отшельничеством и напряжённым трудом. Чувство – это то, что характеризует женщин. Поэтому и женский ум Карамзин описывает в категориях чувства: «чувство истины», «женщина остается при первом чувстве, – и редко обманывается» (237). Точнее будет говорить не собственно об уме, а об интуиции. Е. С. Анпилогова указывает на то, что в XVIII в. начинает цениться женская мудрость и ум. Т. Н. Герасимова в доказательство признания во второй половине века интеллектуального равенства мужчин и женщин цитирует некоего А. М. П.: «Весь свет почти согласуется, что женщины с природы гораздо остроумнее, переимчивее и догадливей, чем мужчины: и ежели бы их разумно

только воспитывать, тоб они конечно мужчин во всем превзошли»¹⁹. Хотя А. В. Белова в статье «Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – середина XIX вв.)» утверждает, что «получение образования воспринималось как своего рода вынужденная “стратегия выживания” для дворянок с низким уровнем материального достатка, которые в силу этого не могли рассчитывать на выход замуж, то есть на реализацию нормативного жизненного сценария»²⁰. В «Послании к женщинам» мнение о доминировании в женской природе чувства над разумом подкрепляется ссылкой на Лафатера; Т. А. Алпатова в статье «Оппозиция “мужского / женского” в художественном мире Н. М. Карамзина» находит в приведённой выше цитате из «Послания...» переключки с основными положениями эстетики английского сентиментализма: Шефтсбери, Хатчесона, Т. Рида и других, – приводит аналогичные фрагменты из «Писем русского путешественника». Исследовательница приходит к выводам, что «в карамзинском мире женщина – это прежде всего носительница эмоционального, интуитивного начала, её природная чувствительность менее затронута разрушительным влиянием цивилизации <...> в споре с мужчиной она лишена возможности сослаться на рациональные аргументы, и в этом парадоксально оказывается ближе к истине»; «женщина рождена для чувства, наиболее естественно отдаётся чувству – и как следствие, именно ей основанные на чувстве религиозные, моральные и эстетические прозрения в мире сентиментализма оказываются более убедительными»²¹.

Гораздо более важной, чем природа женского ума, является для Карамзина идея о том, что разум и чувство, воплощённые, соответственно, в мужчинах и женщинах, могут существовать только в единстве: если нет женской «любезности», нет и мужского ума, во всяком случае, такого, который бы не был «скучен». В качестве примера поэт приводит Сократа, чьё учение приятнее других оттого, «что Граций он любил, с Аспазией был дружен» (238). Роль женщины в обществе состоит в умении «развеселять приятным взором», улыбкой «оживлять» разум; мужчина «чтоб милым полюбить <...> сам бывает мил» (241). Это соответствует просветительским идеям, получившим отражение в искусстве. Так, Ж.-Ж. Руссо считал, что предназначение женщины в том, чтобы нравиться мужчинам, искать их любви к себе²². Помимо любезности, идеальной женщине свойственны такие качества, как сострадание, готовность помочь ближнему. Образцом сострадания для Карамзина является деятельность сестёр милосердия.

В тринадцатой части поэт обобщает, резюмирует все свои размышления: «Довольно, что вы нас во всем, во всем добрее, / Почти во всем умнее, / И будете всегда нам в нежности пример» (242). Примечательны как повтор «во всем, во

всем» применительно к доброте, так и отражающее авторскую иронию выделенное «почти» применительно к уму. Подробно рассуждая о достоинствах женщин, автор «Послания...» признаёт, что в них можно найти и «слабости», но отказывается это делать, подменяя «опыты» в духе Поупа галантным сравнением с луной: «Но разве от того луна уж не светла, / Что видим пятна в ней?» (243).

В пятнадцатой части возникает новый поворот и новый масштаб осмысления «женской темы». Автор привлекает историю человечества, утверждая, что отношение к женщине является показателем уровня просвещённости общества: «Где только люди просветились, / Жить, мыслить научились, / Мушину обожают вас. / Где разум, чувство в усыпленьи; / Где смертных род во тьме невежества погряз; / Где сан, права людей в презреньи, / Там презрены и вы» (243–244). Карамзин вводит в стихотворение аллюзию на текущие политические события – войну с Турцией. Но трактует он их в контексте проблематики «Послания...», выражая надежду, что в результате победы России женщины в Азии будут так же свободны. Карамзин восхваляет императрицу Екатерину, принадлежность которой к женскому полу получает здесь особое значение («Дщерь Неба», «Богиня»).

Шестнадцатая часть начинается со слов, которыми «Послание к женщинам» могло бы быть закончено – «Цвети, о нежный пол! И сыпь на нас цветы!» (245). Однако стихотворение продолжается, лирический герой рассказывает о себе, грустит о прошедшей молодости и любви. В последней, семнадцатой, части вводятся факты реальной биографии автора, появляется образ Нанины – друга поэта. Но, кроме того, в финальной части в сжатом виде читателю преподносятся важнейшие смысловые блоки, представленные в стихотворении: сиротство (материнство), влюбленность, преобразующая сила любви, добродетельные качества женщины (сострадание, доброта), тема поэта и поэзии, истинное счастье, заключающееся в отказе от славы и богатства, мотивы уединения с возлюбленной, близости к природе. Заканчивается послание эпитафией, являющейся итогом жизни лирического героя: «Он любил: / Он нежной женщины нежнейшим другом был!» (249).

Образы женщин в стихотворении Карамзина складываются из внешних деталей и отдельных черт характера. По отношению к женщинам используются такие эпитеты, как «любезные», «прелестные», «милые», «нежные». В качестве внешних деталей выступают традиционные с точки зрения sentimentalного направления «милые глаза», «улыбка» и «слеза». Отдельного фрагмента, посвящённого женской красоте, нет, но, безусловно, это качество имеется в виду постоянно. Схожесть одного из двух использованных в стихотворении условно-поэтических женских имён с названием цветка не случайна – женская

красота в «Послании...» приравнивается красоте цветов. Как пишет Е. С. Анпилогова, до XVIII столетия внешняя привлекательность женщины, как правило, ассоциировалась с несносными чертами характера, что являлось препятствием к счастливой супружеской жизни. В XVIII в. одновременно с изменением общественного статуса женщины происходит разрушение представлений о женской порочности²³. Для лирического субъекта «Послания...», как мы видели, внутренние качества намного важнее внешнего облика. Главное в женщине – прелестная, нежная душа. Однако в sentimentalных произведениях внутренней красоте соответствует внешняя: «Ах! Благость, добродетель / Священное всего являют образ свой / В лице красавицы любезной» (241).

В «Послании...» представлены разные типы женских образов: возлюбленная, супруга, мать, «друг». Первые три воспроизводят традиционные для XVIII в. представления о женщине, последний во многом является нововведением Карамзина. Основным качеством возлюбленной является «игривость»: «милые глаза / Улыбка и слеза / Закон в душе моей писали, / И мною так играли, / Как резвый ветерок пером» (219); «Явитесь в обществе с усмешкой на устах, / И вдруг во всех очах / Веселья луч сверкнет» (241). Образ возлюбленной может ассоциироваться с неверностью, её любимое занятие – «забава»²⁴. Только по отношению к возлюбленной может применяться просторечно-ироническое «красотка» вместо «красавица». Но в стихотворении также создаётся образ женщины идеальной. Для их разграничения Карамзин выбирает слова разной стилистической маркированности: «Которых милые глаза, / Улыбка и слеза / Закон в душе моей писали, / И мною так играли» (219) и «У вас в очах блестит небесный, тихий луч» (223). Представлению об идеальной женщине соответствует образ супруги, матери. В нём нет «игривости» – она нежна, кротка, скромна, ласкова и добра. «Супруга» и «мать» живут в окружении природы, вдали от светского общества. Этот художественный мотив имеет основу в реальной жизни, так как «по правилам приличия женщина XVIII века ради рождения и воспитания детей уединялась в деревне, надолго забыв о балах и раутах»²⁵. Ю. М. Лотман разъясняет понятие sentimentalной дружбы, подразумевая под ним «союз более обширный, чем любовный», чувство, лишённое чувственности. Только «дружба как высшее единение освящает узы брака»²⁶. Номинации «друг» и «возлюбленная» у Карамзина часто синонимичны. В «Послании...» данные понятия связаны с автобиографическими мотивами, поэтому разводятся по возрастному признаку, однако, на наш взгляд, этот признак не является универсальным.

В ряду женских образов выделяется императрица. С ней связано понятие о силе; как воплощение государственной власти, она предстаёт в образе «Минервы» или «Богини». Ю. М. Лотман

в комментариях к Полному собранию стихотворений Н. М. Карамзина приписывает строкам, прославляющим военные победы Екатерины, «смягчающе-цензурный характер», утверждает, что «пацифистская позиция Карамзина выражена в этом стихотворении особенно отчётливо и демонстративно»²⁷ – «Минерва, торжествуй, / Сказал я, без меня» (220). В последующих изданиях, вышедших уже после смерти Екатерины II, «Минерва» была заменена Карамзиным на «Россию». Но в качестве главной заслуги Екатерины-правительницы в «Послании...» выдвигается возведение «вольности» «человечества любезной половине» (245), поэтому образ императрицы органично вписывается в стихотворение.

Отдельного рассмотрения требуют принципы создания лирического субъекта «Послания...». Русская поэзия XVIII в. в целом была клишированной, и насущной проблемой являлась выработка способов отражения в тексте уникальной авторской личности. В. А. Западов, характеризуя поэзию 1760–1770 гг., в качестве одной из особенностей уже отражавшегося на лирических текстах предромантического направления называет наличие образа автора, органично входящего в произведение²⁸. Лирический субъект «Послания к женщинам» изменчив. Он может быть более или менее клишированным в зависимости от того, говорит автор о закономерности человеческой природы и человеческого общества или о себе. Карамзин старается внести в стихотворение уникальные жизненные впечатления; информация, которая не может быть передана средствами условной сентиментальной поэтики, выносится в сноски. В частности, в сносках даются автобиографические сведения, не только конкретизирующие образ лирического субъекта, но и повышающие достоверность того, о чём говорится в поэтическом тексте. Например, описывая, как «жены прекрасные» могут «муки утешать несчастных», Карамзин уточняет, что речь идёт об «ордене так называемых *сестёр милосердия*», которых он видел «в Лионских больницах» (239); говоря о «славнейших творцах», которые оценили его «талант», он приводит в пример Клопштока.

Лирическая линия «автобиографического сюжета» «Послания...» развивается от молодости к старости героя. Меняющиеся отношения поэта с женщинами воплощаются в двух образах – «игривой» Розы в начале и «милой», «искренней» Нанины в финале. Первая не имеет установленного прототипа, под Наниной же скрывается близкий Н. М. Карамзину человек – А. И. Плещеева, которой поэт посвятил вторую часть альманаха «Аглая». Именно с ней поэт связывала сентиментальная дружба, которая «из факта интимной биографии превращается в факт культуры своего времени и своей литературной деятельности»²⁹. В «Сотворении Карамзина» Ю. М. Лотман утверждает, что «мир любовной поэзии имел свои

чёткие границы, отделяющие его от жизни, свой поэтический язык, систему образов, узаконенных чувств. Только перевод внутренних переживаний поэта на этот условный язык открывал им дорогу в мир стихотворения. Реальным чувствам отводилась область интимного, поэзии – публичного. Карамзин демонстративно приравнял интимное открытому и гласному. Его нежные признания как бы вырываются из литературы в область действительности. Г. Р. Державин считал, что Карамзин стихами о Нанине перешел границу допустимого, поверяя читателям слишком интимные переживания своего сердца»³⁰.

Особой лиричностью и одновременно автобиографической точностью также выделяется фрагмент о матери. К сожалению, сведений о Екатерине Петровне Карамзиной и о детстве поэта сохранилось мало, но известно, что «матери он лишился очень рано и едва её помнил, хотя и сохранил особое благоговение к её памяти»³¹. Ю. М. Лотман считает, что, сиротство в младенчестве и потребность в материнской заботе во многом способствовали стремлению Карамзина к дружбе с женщинами³².

Таким образом, «Послание к женщинам» действительно является манифестом феминистических взглядов Н. М. Карамзина. Разговор о женщинах приобретает в нём разные масштабы: от глубоко личных переживаний до обобщений о человеческой природе; от идиллических картин, где важнейшим является мотив уединения, до истории человечества. Привлекается значимый культурный и литературный контекст: легендарно-исторические фигуры (Сулла, Атилла, Аспазия), текущие политические события (война с Турцией), философы (от Сократа до Лафатера), современники ученые (Эйлер), мировая литература (Поуп, Гёте, Клопшток).

Примечания

- ¹ Грицай Л. Педагогические идеи и повседневный опыт родительского воспитания детей в культуре Российского просвещения XVIII века // Вест. Том. гос. ун-та. 2013. № 367. С. 139.
- ² Там же. С. 142.
- ³ Мухин О. Петр I и «женский вопрос»: власть и гендер в России XVIII века // Вест. Том. гос. пед. ун-та. 2004. № 4 (41). С. 6.
- ⁴ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений: в 3 кн. М., 1796–1799. Кн. 1. 1796. С. 3. Также об этом см.: Лотман Ю. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 253.
- ⁵ См.: Гречаная Е. Первый поэтический сборник Тредиаковского и французская галантная поэзия конца XVII – начала XVIII в. (к постановке вопроса) // Новый филологический вестн. 2005. № 1. С. 121–128.
- ⁶ Там же. С. 126.
- ⁷ Сокольская Л. Первые женские журналы для российских читательниц (конец XVIII – первая половина XIX века) // Библиосфера. 2006. № 2. С. 21.

- ⁸ Карамзин Н. Послание к женщинам // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М., 1796. Кн. 1. С. 218–249. В дальнейшем ссылки даются на это издание в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁹ В «Полном собрании стихотворений», подготовленном Ю. М. Лотманом для серии «Библиотека поэта», «Послание к женщинам» печатается по собранию сочинений 1814 года с указанием разночтений в редакциях.
- ¹⁰ См.: Пастушенко Л. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин) // Вестн. Краунц. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 78–86; библиография по истории вопроса подробно представлена в статье: Артёмова С. Поэтическое послание : бытование и смещение жанра // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. 2008. № 14. С. 164–167.
- ¹¹ Здесь и далее курсив Н. М. Карамзина.
- ¹² Биткинова В. «Аониды» – альманах «содружества» поэтов // Литература русского предромантизма : мировоззрение, эстетика, поэтика / под ред. Т. В. Федосеевой. Рязань, 2012. С. 131.
- ¹³ Лотман Ю. Поэзия Карамзина // Лотман Ю. О поэтах и поэзии. СПб., 1999. С. 311.
- ¹⁴ Николаева Е. XVIII век : текст, написанный женщиной : (К вопросу о включении женской литературы в образовательные программы школы и вуза) // Интеграция образования. 2005. № 1/2. С. 242–244.
- ¹⁵ См.: Антилогова Е. Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII–XVIII веков // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 47.
- ¹⁶ См.: Грицай Л. Педагогические идеи и повседневный опыт родительского воспитания детей в культуре Российского просвещения XVIII века. С. 140.
- ¹⁷ См.: Шарафадина К. Флористическая символика в ее этикетно-бытовом преломлении в прозе С. Ф. Жанлис // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2003. № 1. С. 21–26.
- ¹⁸ The Poetical works of Alexander Pope, with his last corrections, additions and improvements : in 4 vol. Vol. 2. L., 1787. P. 133.
- ¹⁹ А. М. П. Описание о женщинах. Сочинил А. М. П. С приобщением перевода о безпристрастии мужчин. М., 1773. С. 16. Цит. по: Герасимова Т. Социальные проблемы женщин в России в исторической ретроспективе последней трети XVIII–XIX вв. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 246.
- ²⁰ Белова А. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 7.
- ²¹ Аплатова Т. Оппозиция «мужское / женское» в художественном мире Н. М. Карамзина // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2010. № 56. С. 13.
- ²² См.: Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М., 2000. Кн. V. Цит. по: Герасимова Т. Указ. соч. С. 245–246.
- ²³ См.: Антилогова Е. Указ. соч. С. 47.
- ²⁴ По Словарю русского языка XVIII века, «занятие чем-либо для развлечения, удовольствия, потехи» (Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 27.02.2014)).
- ²⁵ Царикаева С. Рождение дворянской благовоспитанности и домашнее воспитание русского дворянина в XVIII–XIX вв. // Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2008. № 13. С. 148.
- ²⁶ Лотман Ю. Сотворение Карамзина. С. 268, 271.
- ²⁷ Карамзин Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966. С. 391. (Б-ка поэта. Больш. серия). В книге «Сотворение Карамзина» Ю. М. Лотман отмечает, что в своё время эти стихи звучали довольно дерзко: «...отставка молодого офицера воспринималась как неисполнение долга служения перед государством» (Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 203).
- ²⁸ См.: Западов В. Поэтический путь Державина // Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1981. С. 3.
- ²⁹ Лотман Ю. Сотворение Карамзина. С. 265.
- ³⁰ Там же. С. 207.
- ³¹ Карамзин Николай Михайлович // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1897. Т. VIII. С. 500.
- ³² См.: Лотман Ю. Сотворение Карамзина. С. 271.

УДК 821.161.1.09-31+929Гоголь

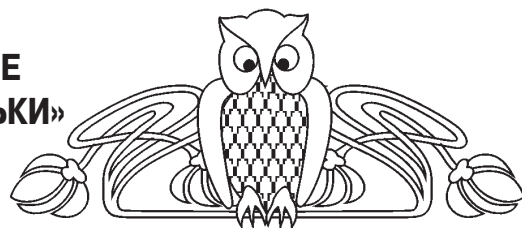
МОТИВ СТИХИЙНОЙ МОЛВЫ В ХРОНОТОПЕ ЦИКЛА «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ

Л. А. Ефремычева

Саратовский государственный университет
E-mail: larisa_efr@mail.ru

В статье рассматривается мотив молвы в его пространственно-временном выражении на материале цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Исследуются художественные функции мотива молвы в сюжете повестей, внутренняя связь с фольклорной традицией.

Ключевые слова: Гоголь, мотив, хронотоп, молва, тишина, шум.

The Motive of Extemporaneous Rumor in the Chronotope of the Cycle by N. V. Gogol «Evenings on a Farm Near Dikanka»

L. A. Yefremycheva

The article considers the motive of rumor in its spatial and time expression based on the cycle of «Evenings on a Farm Near Dikanka» by N. V. Gogol. The stylistic functions of the rumor motive in the novels' plots and the internal link with the folk tradition are researched.

Key words: Gogol, motive, chronotope, rumor, silence, noise.